

РАЗДЕЛ I

С. М. Толстая

Этнографические наблюдения в записках иностранных путешественников о России в XVI—XVII вв.

Память об Александре Михайловиче Панченко для меня связана с памятью о Никите Ильиче Толстом. Несмотря на значительную разницу в возрасте и разный жизненный опыт, они были близки по мировосприятию, по научным интересам, наконец, по темпераменту — научному и общественному. Их объединяло чувство личной причастности к истории России и славянства; история была частью их внутреннего мира. Когда-то мы с Никитой Ильичом вместе читали записки иностранных путешественников о России, обращая особое внимание на то, что перекликалось с нашими интересами к духовной культуре, к семиотике языка культуры и культурных текстов. Поэтому для своей статьи я выбрала именно эту тему, чтобы отдать дань памяти Александра Михайловича как бы от имени нас обоих.

Записки иностранных путешественников, посещавших Россию в XVI—XVII вв., особенно наиболее подробные из них, относящиеся ко времени правления Ивана Грозного и принадлежащие австрийскому дипломату барону Сигизмунду Герберштейну и папскому послу Антонио Поссевино, многократно издававшиеся в отрывках и целиком как в оригиналах, так и в переводах, в том числе на русский язык, привлекали внимание многих историков как ценные свидетельства современников о дипломатической и военной политике Московии XVI в., о государственном устройстве, идеологии, экономике, торговле, о царской власти, юридических установлениях, религиозной жизни, а также о географии страны, ее климате, дорогах, реках, флоре и фауне, поэтому они справедливо считаются ценными историко-географическими источниками. Меньше внимания уделяли эти авторы нравам и быту москвитов, их обычаям, языку, занятиям, праздникам и т. д. Но такого рода свидетельств тоже немало, и хотя они часто

случайны, отрывочны, не всегда достоверны и не могут претендовать на роль полноценного этнографического источника, все же они заслуживают внимания и оценки с точки зрения их соответствия более поздним и более надежным данным.

В них отражено прежде всего то, что отличало русскую жизнь в ее повседневных бытовых проявлениях от европейских привычек и порядков, именно эти отличия прежде всего бросались в глаза иностранцам и вызывали их интерес. Вместе с тем их нельзя считать всего лишь побочными наблюдениями ради праздного любопытства. Герберштейн сообщает, что эрцгерцог Фердинанд приказал своим послам присматриваться к русским обычаям: «...обязываем вас при ⟨каждом⟩ случае ⟨...⟩ тщательно исследовать как содержание ⟨их⟩ веры, так и обычаи, дабы мы, осведомленные таким образом со всех ⟨возможных сторон⟩, могли бы вникнуть в религию и обряды этого народа, какие они имеют обыкновение соблюдать как в делах церковных, так и светских».¹

Если попытаться систематизировать эти отрывочные сведения, то мы увидим, что в целом они охватывают все основные стороны жизни русского населения того времени (прежде всего городского): особенности материальной культуры, то есть вид и устройство жилища, одежду и обувь, пищу, хозяйство (земледелие, охоту, кузнечное дело, военное дело и т. д.); отмечаются антропологические особенности русских (крепкое сложение, физическая сила, выносливость, красота); описываются, хотя и кратко, обряды и обычаи (крещение, свадьба, погребение и поминания), календарь праздников, посты, верования и суеверия, привычки и нравы.

Самое большое внимание уделяется в записках иностранцев *вопросам веры* — не только в догматическом аспекте (как в случае бесед Поссевино с Иваном Грозным о религии), но и в бытовых проявлениях, и это естественно для европейского взгляда на православную русскую практику, русскую «схизму», как она воспринималась представителями католического или протестантского мира. Ни один из авторов не упускает случая отметить религиозную нетерпимость русских. Итальянец Берберино (Барберино) рассказывает, что русские не позволяют входить иноземцам в свои церкви и ему стоило больших усилий и денег побывать дважды в одной русской церкви, раз днем, а в другой раз ночью.² По свидетельству Поссевино, царь, «поговорив

¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 267–268.

² См.: Литературные известия о древнейших путешествиях иностранцев по России: Соч. Фр. Аделунга / Пер. с нем. А. С. Клеванова. М., 1848. С. 51. (Отд. отт. из «Чтений

с послами любого государя, после их ухода (...) моет руки в серебряном тазу, как бы избавляясь от чего-то нечистого и показывая этим, что остальные христиане — грязь. (...) Он не разрешает входить армянам в свои храмы. (...) Грекам это позволяет, лютеранам же и другим еретикам не разрешает, и те храмы, что они себе построили, сожжены по его приказу».³ В другом месте говорится: «к латинской церкви относятся с гораздо большей неприязнью, чем к греческой. Среди них не услышишь поношения Бога или святых, однако слова „латинская вера“ — у них самое сильное проклятие для врагов».⁴

Внимание иностранцев не мог не привлечь русский способ осенения себя крестом, отличный от их собственного не только противоположным направлением движения руки, но и характером применения русскими крестного знамения. Герберштейн пишет: «Осеняя себя крестным знамением, они делают это правой рукой, как бы уколом прикасаясь сперва ко лбу, потом к груди, затем к правой и, наконец, к левой ее стороне, образуя таким образом крест. Если кто-нибудь водит рукой иначе, то они считают его не за единоверца, а за иностранца; я помню, как они обозвали этим именем меня и бранили за то, что я, не зная об этом обряде, водил рукой иначе».⁵

Иностранцам русское почитание религиозных символов (крестов, икон) казалось чрезмерным и нарочитым. Поссевино отмечал: «Уважение к иконам у них чрезвычайно велико, и им они жертвуют из чувства благочестия или по обету золотые монеты, кресты, свечи и другие небольшие дары. Но особое уважение воздается кресту Господа нашего Христа. Куда ни посмотришь, везде: на перекрестках дорог, над дверями и крышами храмов — видны многочисленные его изображения. Увидя их издали, склонив голову, они крестятся (а это принято у московитов, колен же в таких случаях они не преклоняют), если же оказываются поблизости от него, из почтения сходят с коней. И более всего характеризует благочестие народа то, что, начиная всякое дело, они осеняют себя крестом (...). Войдя в дом, они сначала, по обычаю, крестятся на крест или икону (а их принято помещать во всех домах на самом почетном месте) и только потом приветствуют остальных. Если же случайно не окажется ни креста, ни иконы, то они не крестятся и не кладут поклона, чтобы не оказалось, что этот

в Обществе истории и древностей российских». 1848. Кн. I).

³ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 63.

⁴ Там же. С. 208–209.

⁵ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 103.

почет воздается стенам. Часто случалось, что мы, садясь за стол, по своему обычаю благословляли трапезу, а приставы подходили к окнам, откуда был виден какой-нибудь крест, или хотя бы достав крест, который они носили с собой (а все московиты, и знатные, и низкого происхождения, по своему обычаю, носят его на шее), воздавали ему должное почитание и молитвы. Если же не было ни одной иконы, они совсем не произносили молитв и говорили, что как только попадетс я икона, они очистят себя молитвой. У них нет обычая осенять знаком креста пищу, напротив, они осеняют им себя».⁶

В нескольких сочинениях иностранцев упоминается странный с их точки зрения «обычай, по которому каждый хозяин имел в церкви свою икону, молиться которой он только себя одного считал вправе. Обычай этот так глубоко вошел в нравы русских, что нарушение его считалось преступлением и даже наказывалось по закону. Так, если хозяин какой-нибудь иконы замечал, что кто-нибудь другой ей кланяется, то он сейчас принимался бранить его: „Как ты смел, — говорил он виновному, — своими воровскими молитвами восхищать у иконы те милости, на которые я один имею право как ее хозяин?“ (...) В случае церковного отлучения хозяин иконы брал и ее из церкви к себе на дом и потом, по примирении с церковью, опять ставил ее на прежнее место».⁷ С таким личным или даже собственническим отношением к святыням можно связывать и широко распространенный русский обычай, также отмечаемый иностранными путешественниками, строить «личные» домовые церкви, к чему стремился каждый горожанин, кому это было по средствам.

Отношение к иконе как к вещи считалось кощунственным: приобретая икону, нельзя было сказать, «что она куплена (по той причине, что нельзя покупать святых), а употреблялось выражение, что икона „выменена на деньги“; если икона уничтожалась пожаром, то не говорили, что она сгорела, а что она „вознеслась на небо“ или „выбыла“; точно так же выражались и о сгоревшей церкви. Считалось также неприличным вешать иконы на гвоздях, поэтому их ставили на особых подставках. Если икона по ветхости не могла более служить, ее не выбрасывали и не сжигали, но или пускали на реку и представляли ее судьбу воле Божией, или закапывали глубоко в землю на

---

⁶ *Антонио Поссевино*. Исторические сочинения о России XVI в. С. 210–211.

⁷ *Руцинский Л.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. III. С. 44–45.

кладбище или в саду и самое место охраняли от всего нечистого».⁸ Об этом говорит и Поссевино: «Они считают недопустимым класть святыне иконы вместе с другими мирскими вещами или одеждой, чистить и вытирать их, поплевав на них, топтаться на одном месте, ходить с открытой грудью, шагать нескладной и необычной походкой (особенно если идут к государю)».⁹ Последнее наблюдение (о нескладной походке) можно связать с распространенным народным представлением о том, что такая ходьба присуща персонажам нечистой силы.

Вместе с тем Олеарий и другие авторы приводят примеры и другого, не столь благоговейного, отношения к иконам, когда иконы подвергались наказанию за неисполнение обращенных к ним просьб и молитв: икона, которая не остановила пожар, была брошена хозяином в огонь со словами: „Ты не хотела помочь мне, теперь помоги себе самой!“; икону, допустившую кражу вола, хозяин бросил в навоз со словами: „Я тебе молюсь, а ты меня от воров не оберегаешь“.¹⁰ Подобное отношение к иконам, сохраняющее, по выражению Б. А. Успенского, «языческий субстрат», в традиционном быту славян подтверждается многими этнографическими свидетельствами.¹¹

Поссевино в разделе «Беседы о религии» рассказывает о своем разговоре с Иваном Грозным, в котором была затронута и тема ношения креста у русских и у католиков. Иван Грозный выдвинул четыре обвинения против папы: 1) что папу носят в кресле; 2) что он «носит крест на ногах»; 3) что он бреет бороду; 4) что он мнит себя Богом. Поссевино отверг эти обвинения, а по поводу ношения креста «на ногах» сказал следующее: «...пусть будет тебе известно, Государь, что с самого начала народы припадали к ногам апостолов, и то же самое очень часто делали и при преемниках святого Петра. А прикрепили они крест для того, чтобы эти проявления почитания относились не к ним самим, но чтобы припадающие к нему признавали и почитали его как символ креста самого Христа». На это Иван Грозный ответил: «Да ведь позор — носить крест на ногах, ведь мы считаем, что крест находится на позорном месте, если он каким-нибудь обра-

---

⁸ Там же. С. 77.

⁹ *Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в.* С. 74.

¹⁰ *Рущинский Л. Религиозный быт русских...* С. 79. О наказании икон подробнее см.: *Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского).* М., 1982. С. 182–186.

¹¹ См. также: *Белова О. В. Икона // Славянские древности: Этнолингвистич. словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 269–273.*

зом свисает с груди на живот». ¹² В другом разделе своих записок Поссевино дает совет будущим послан в Московию: «Если они будут носить кресты на шее (а в Московии все носят их под рубашкой), нужно остерегаться, чтобы они не свисали с груди на живот. Московиты считают самым большим позором, если святой крест свисает ниже пояса. Мало того, если они увидят, что четки со вделанными в них крестами свисают с пояса, то, по их мнению, это величайшее оскорбление святыни, т. к. они прикреплены на позорном месте». ¹³ Таким образом, для русских вообще и для Ивана Грозного в частности тело человека делится на верхнюю и нижнюю часть, первая оценивается положительно и считается достойным местом для сакрального символа (креста), а вторая, нижняя, — отрицательно, поэтому присутствие на ней сакрального символа оскверняет его. Такое представление о человеческом теле вполне соответствует народной русской и славянской антропологии и подтверждается языковыми и этнографическими свидетельствами Нового времени, вплоть до современных.

Многие авторы отмечают, что русские среди всех святых особенно почитают святого Николая Мирликийского. Берберини (Барберини) пишет: «Москвитяне исповедуют религию греческую. Они весьма суеверны в живописи и изображениях святых; поклоняются одному святому Николаю, почти не упоминая о других Божьих угодниках, и празднуют день этого святителя больше, чем всякого другого». ¹⁴ То же читаем у Поссевино: «Между прочим, более всего они чтут святого Николая, епископа Мирликийского (...). Они называют святого Николая чудотворцем, т. е. творцом чудес». ¹⁵ Теофил Вармунд в своих записках о России XVII в. «рассказывает, со слов одного иностранца, жившего в России, что однажды какой-то монах обратился к немцу с просьбой о милостыни, которой он выпрашивал именем четвертого лица Св. Троицы. Когда немец спросил: „Какое это лицо?“, монах отвечал: „Св. Николай“». ¹⁶

---

¹² Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. С. 81.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 67.

¹⁵ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. С. 29.

¹⁶ Руцинский Л. Религиозный быт русских... С. 173. О народном культе св. Николая — «русского бога» и его мифологических мотивах см.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

В записках иностранцев можно встретить более или менее подробное описание основных русских *праздников*; многие детали этих описаний вполне соответствуют известным по позднейшим источникам данным. Поссевино сообщает: «Святых они почитают тех же, что и мы, но в другие дни ежегодными богослужениями. День святой Троицы они празднуют на второй день Пятидесятницы, в этот день они украшают храмы ветвями и листьями, священник же произносит 36 длиннейших молитв, в то время как народ слушает их, простершись на земле и припав лбом к полу. День Всех Святых приходится у них на середину Четырехдесятницы. 1 ноября они отмечают день Кузьмы и Дамиана, 8 ноября — день Михаила Архангела. 13-го — день святого Филиппа, 16 ноября — святого Матвея Апостола. В мае месяце два дня поминают умерших, этот праздник называется „поминанье душ“. На могилах зажигают множество свечей и факелов, затем священник с ладаном и молитвой обходит могилы и разбрасывает кутью (которую готовят из меда, пшеничной муки и воды), часть ее отведывает священник и остальные присутствующие. Родственники умерших на могилы кладут хлеб и различные кушанья, половину которых берет себе священник, а остальную часть раздают слугам и беднякам. Более состоятельные для бедняков и, конечно, для священников устраивают пир».¹⁷

По свидетельству Герберштейна, «именитые мужи чтут праздничные дни тем, что по окончании богослужения устраивают пиршество и пьянство и облакаются в более нарядное одеяние, а простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы — дело господское. Граждане и ремесленники присутствуют на богослужении, по окончании которого возвращаются к работе, считая, что заняться работой более богоугодно, чем попусту растрчивать достаток и время на питье, игру и тому подобные дела».¹⁸ Об этом говорится и у Поссевино: «В праздничные дни московиты не освобождаются от занятий и телесного труда, они считают, что в эти дни запрещен не труд, а греховные поступки. По крайней мере, по их словам, почитание праздничных дней пошло от иностранных обычаев и восходит к иудеям, а ведь их обряды у них запрещены. Прекращение работы подобает богатым и духовным лицам, бедные же, так как они живут одним днем, не могут прекратить работу. Таким образом, всегда, будь это день Пасхи или Рождества, они

¹⁷ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. С. 209.

¹⁸ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 103.

трудятся. Исключение составляет только день Благовещенья, который они очень чтут и считают священным».¹⁹

Этнографические данные подтверждают особое отношение русских и восточных славян в целом к празднику Благовещения, в который запрет на работу (особенно на работу на земле) считается самым строгим, а нарушение запрета, по народным представлениям, карается стихийными бедствиями, обычно засухой и градом.²⁰ Однако в народной традиции и другие праздники и воскресенья отмечаются прежде всего запретом на все или отдельные виды работ, и этот запрет вплоть до наших дней остается актуальным.²¹

В связи с праздниками почти все иностранцы говорят о русской наклонности к *пьянству*. У Берберино читаем: «Надобно сказать, что они весьма наклонны к пьянству, и даже до такой степени, что от этого происходит у них много соблазна, зажигательство домов и тому подобное. Обыкновенно государь строго запрещает им это; но чуть настал Николин день — дается им две недели праздника и полной свободы, и в это время им только и дела, что пить день и ночь! По домам, по улицам — везде только и встречаются, что пьяные от водки, которую пьют много, да от пива и другого напитка, приготовляемого из меда...»²² Во многих записках, однако, содержатся прямо противоположные свидетельства и говорится о строгом запрете на пьянство. Поляк Самуил Мацкевич, посетивший Москву в начале XVII в., утверждает, что «москвитяне соблюдают великую трезвость, которой требуют строго и от вельмож, и от народа. Пьянство запрещено; корчем или кабаков нет во всей России; негде купить ни вина, ни пива; и даже дома, исключая бояр, никто не смеет приготовить для себя хмельного; за этим наблюдают лазутчики и старосты, коим велено осматривать дома. Иные пытались скрывать бочонки с вином, искусно заделывая их в печах, но и там, к большой беде виновных, их находили. Пьяного тотчас отводят в „бражную тюрьму“, нарочно для них устроенную; там для каждого рода преступников есть особая темница; и только через несколько недель освобождают из нее, по чьему-либо ходатайству».²³

¹⁹ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. С. 210.

²⁰ Толстой Н. И., Толстая С. М. Благовещение // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 182–188.

²¹ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Запреты // Там же. Т. 2. С. 269–273.

²² Иностранцы о древней Москве. С. 67.

²³ Там же. С. 261.

Среди праздников чаще других внимание иностранцев привлекают Крещение, Вербное воскресенье и Троица; у некоторых авторов они описаны весьма подробно.

Герберштейн сообщает о таком виде русских праздничных развлечений, как качели: «...в определенные праздничные дни (летом) они разрешают женам и дочерям сходитья вместе для развлечения на широком лугу. Здесь, усаживаясь на некоторое колесо, наподобие колеса Фортуны, они едут то вверх, то вниз; или иначе — привязывают веревку, (так что) она провисает, и, сидя на ней, они после толчка раскачиваются и движутся туда-сюда, или, наконец, они забавляются определенными песнями, хлопая при этом в ладоши; плясок же они совершенно не устраивают».²⁴ Комментаторы этого места справедливо сомневаются в толковании «чертова колеса» как колеса Фортуны, но Герберштейн всего лишь сравнивает его с известным ему по западноевропейской традиции символом, тогда как упомянутые им русские качели находят полное подтверждение в позднейших этнографических свидетельствах, относящихся не только к русским, но и к другим славянам.²⁵

Очень большое впечатление производило на просвещенных иностранцев *положение женщин* в Московии, об этом говорится практически у всех авторов. Герберштейн пишет: «[Положение женщин весьма плачевно.] Они (москвиты) не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Они отказывают женщине в целомудрии, если она позволяет смотреть на себя посторонним или иностранцам. Заключенные дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве; все домашние работы считаются делом рабов. Всем, что убито руками женщины, будь то курица или другое животное, они гнушаются как нечистым. [У тех же, кто победнее, жены исполняют домашние работы и стряпают.] Если они хотят зарезать курицу, а мужа или рабов случайно нет дома, то они становятся у дверей, держа курицу или другое животное и нож, и усердно просят прохожих мужчин, чтобы те зарезали животное».²⁶

²⁴ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 112.

²⁵ О ритуальном качании на качелях весной как магическом действии, провоцирующем плодородие хлебов, льна и других растений, см.: Агапкина Т. А. Качели // Славянские древности. Т. 2. С. 399–402.

²⁶ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 112.

Это представление о ритуальной нечистоте женщины, как известно, характерная черта народной традиции.

Не имея возможности рассмотреть другие описания праздников, обычаев и обрядов, отметим еще несколько любопытных свидетельств. В записках, принадлежащих спутнику Поссевино Джованни Паоло Кампани, рассказывается о большом пире, устроенном от имени царя: «Когда же было подано последнее блюдо, сидевший рядом с Поссевино юноша сказал: „*šleb da sol*“, т. е. „хлеб да соль“, что является знаком окончания трапезы. Говорят, что это выражение пошло от монаха Сергия, умершего около 190 лет тому назад, причисленного к так называемым святым. Он известен чудесами, и москвиты чтят его с самым религиозным чувством. Говорят, когда у него находился великий князь Дмитрий, этими словами он изгнал из помещения демона; москвиты также считают, что этими словами отвращается всякое зло».²⁷ В комментарии к этому месту сказано, что это «неверное истолкование выражения „хлеб да соль“ и легенда об изгнании беса не имеют ни фольклорного, ни литературного основания». Между тем известны и другие данные, позволяющие говорить о том, что формула *хлеб-соль* служила не только знаком гостеприимства, но и оберегом. Можно сослаться здесь на статью «Хлеб-соль» в словаре «Славянская мифология», где приводятся кроме свидетельств иностранцев слова заговора: «Как на хлеб и соль нет врага и супостата, так чтобы и на раба Божия (имя) не было врагов и супостатов» или «Злому-лихому соли в глаз, добру человеку хлеба в рот».²⁸

Особенно насыщены бытовыми подробностями записки о путешествии антиохийского патриарха Макария в середине XVII в., написанные по-арабски и принадлежащие перу его сына архидиакона Павла. Рассказывая о посещении Саввино-Сторожевского монастыря, он передает любопытные слова царя Алексея Михайловича, сказанные тем при осмотре раки святого: «Когда я вынул мощи святого из земли, чтобы положить их в эту раку, я заметил, что потерялся один коренной зуб, и я не переставал искать его, пока не нашел. В то время у меня болели зубы, и я их потерял им, и они тотчас исцелились».²⁹ Вера в целительную и вообще магическую силу частей мертвого тела

²⁷ *Антонио Поссевино*. Исторические сочинения о России XVI в. С. 194.

²⁸ *Топорков А. Л.* Хлеб-соль // Славянская мифология. 2-е изд. М., 2002. С. 479.

²⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1898. Вып. IV. С. 129.

(не обязательно святых мошей) широко распространена в славянской и европейской народной традиции.

Представляют интерес и лингвистические наблюдения иностранцев, характеризующие *языковую ситуацию* Московской Руси, в этом отношении показательны даваемые ими определения языковых идиом. Так, Матвей Меховский называет церковнославянский язык сербским: «В русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке; в армянских церквах — на армянском языке; в иудейских синагогах молятся на еврейском языке. Христиане же римского обряда поют, молятся и читают на латинском языке»;³⁰ ср. еще: «Знай (<...> что в Московии — одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах»;³¹ «У них есть свое письмо и алфавит по образцу греческого, очень с ним сходный».³² Поссевино противопоставляет русский («московитский») язык «славянскому», понимая под последним, вероятно, хорватский: «Они не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности, которого я послал в Москву, уже очень скоро стал многое понимать из московитского языка, хотя, напротив, московиты с большим трудом понимали по-славянски».³³

Некоторые приводимые иностранцами сведения не находят никаких подтверждений и параллелей в имеющихся этнографических данных. Например, Берберино рассказывает о странном обычае, которым будто бы сопровождаются на Руси разводы; он говорит, что из супругов, желающих разлучиться, муж становится на одном берегу ручья, а жена на другом, держа кусок полотна за противоположные концы; они тянут друг у друга это полотно, пока оно не разорвется: тогда каждый из них уходит с своим куском, и с той минуты будто бы считает себя совершенно свободным.³⁴ Тем не менее кажется вполне оправданной задача систематического обзора записок иностранных путешественников под этнографическим углом зрения, подобно тому как это сделал Л. П. Руцинский в отношении религиозного быта.

---

³⁰ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 98.

³¹ Там же. С. 116.

³² Там же. С. 96–97.

³³ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. С. 27.

³⁴ См.: Литературные известия о древнейших путешествиях... С. 151–152.